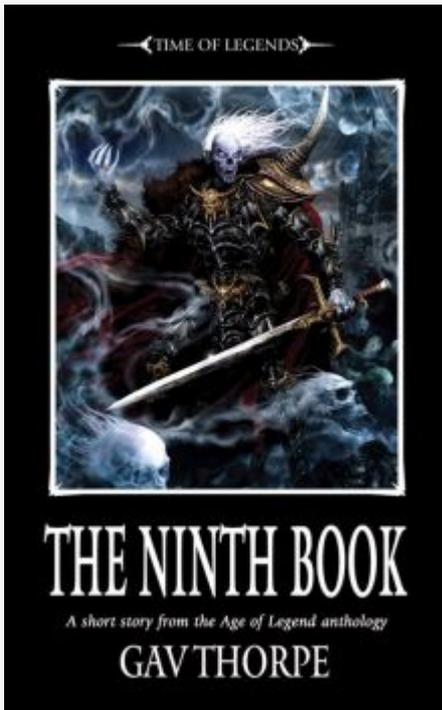

Девятая книга / The Ninth Book (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Девятая книга / The Ninth Book
(рассказ)

Автор	Гэв Торп / Gav Thorpe
Переводчик	Serpen
Издательство	Black Library
Серия книг	Time Of Legends
Входит в сборник	Эпоха легенд / Age of Legend (сборник)
Год издания	2012
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

СЛОВНО утопающие, барахтающиеся в пенящемся прибое, колонна облачённых в кожу и мех воинов продиралась сквозь метель, используя оружие наравне с ногами. Снег уже доходил до пояса: свежий падал не прекращаясь, как и последние два дня.

Только тёмный проблеск в далёких тенях обещал укрытие Курии Славоничу и его отряду: лес, что

предлагал возможность недолгой защиты от снегопада. Мужчины не разговаривали, все их усилия, каждый шаг, каждый замерзающий вдох были направлены на то, чтобы, наклоняясь вперёд, шаг за шагом пробивать себе путь сквозь сугробы. Многие тащили за собой волокуши с укрытыми промасленной кожей припасами и запасным оружием. Было так соблазнительно выбросить всё это, когда ярость бури обрушилась на них во всей своей мощи, но для этих закалённых воинов их луки, топоры и щиты были образом жизни, а не тяжким бременем. Пони были дорогими, а их корм - дополнительной тяжестью, так что наёмники сами тащили свои припасы, грезя о сокровищах, что привели их в эту страшную бурю.

Они шли через земли Кислева на юг, в беспокойную Империю, где претенденты на трон императора возобновили свои, периодически возникающие споры, и предлагали неисчислимые богатства тем, кто готов был продать свои мечи. Славонич знал, что дорога в эту пору была немалым риском, но золотая приманка была столь соблазнительна, что ему удалось собрать две сотни душ, пожелавших обменять свою жизнь на наёмничье золото. Они тянулись к нему со всех концов севера: мужи из унголов и ропсменнов, и даже несколько норсов. Их жизнь была суровой, полной битв друг с другом и своей жестокой родиной, за право прожить лишний день. И вот теперь гражданская война в Империи обещала им свободу от всех тяжких трудов: одна удачная кампания сделает их богатыми до конца их дней.

Буря гнала их на восток, в предгорья. Лежавший впереди лес, огромное пространство из сосен, что лига за лигой бежало на юг, был известен Славоничу и именно к этому убежищу он и вёл своих людей.

Было почти невозможно сказать, который ныне был час - облака заслоняли свет солнца - но старые ветераны заявили, что почти настали сумерки, когда они, наконец, добрались до кромки леса. Почти тут же скорость отряда увеличилась, воины с воодушевлением углубились в лес, туда, где сплетающиеся ветви превращали снежный занавес в неостановимый, но мягкий снегопад.

Они снова повернули на юг, ну или как можно ближе к этому направлению по мысли Славонича, решив захватить как можно больше дороги, пока не наступила ночь. Каждый лишний час был тем самым часом, что откладывал получение великой добычи на полях Рейкланда, Штирланда или Виссенланда.

Благодаря деревьям, о которые разбивался ветер, людям удалось-таки разжечь факелы и жаровни, что были прикреплены к волокушам, чтобы разгонять мрак под, казалось, нескончаемым лесным навесом. В рассыпающем багряные брызги свете заросли обрели новый вид. Хотя мерцающие тени и не очень помогали расслабить напряжённые нервы бойцов, всё же это было лучше, чем непроглядная тьма.

Несколько самых юных и крепких были отправлены вперёд разведать подходящее место для лагеря. И вскоре они вернулись с поразительными новостями.

- Замок, - сообщил Илья, молодой черноволосый мужчина с истощёнными чертами и вислыми усами, - не так далеко отсюда. Хвала Дажу, сегодня у нас будут крыша над головой и горячий ужин.

- В этих местах нет замков, - ответил Славонич. Он провёл рукой в перчатке по своей окладистой бороде, выбирая льдинки и стряхивая тающий снег. - Если, конечно, ты не имеешь в виду боярскую башню.

- Ага, похоже на то, - присоединился другой разведчик, полунорс по имени Ульфгад. Его заплетённые в косы волосы ударились о кожаный нагрудник, когда он резко повернулся и указал на запад, в глубь леса. - Большая башня, сложенная из камня, и сверху крыша, как у городских зданий. Несколько пристроек из брёвен. Достаточно, чтобы вместить пять сотен человек.

- Это был охотничий домик, - сказал Славонич. - Один господар построил его много веков назад, чтобы

выбираться в лес на зверя.

- Это большая башня для охотничьего отряда, - заметил Илья.

- В этом лесу есть нечто большее, чем волки, медведи или олени, - ответил ему Славонич. - Чтобы удерживать некоторых из местных созданий в страхе, человеку нужна хорошая стена. Последнее, что я о нём слышал, что он был покинут уже на протяжении сотни лет.

- Мне это не нравится, - заявил Лушка, самый молодой в отряде - всего шестнадцать зим. Он покачал головой в меховом капюшоне. Парень никогда не раскрывал своего происхождения, но резкие черты и правильная речь наводили на подозрения о господарском происхождении. Ублюдок какого-то благородного боярина, так думал Славонич. - У него дурной внешний вид. Вокруг ничего не растёт. А когда мы уезжали, клянусь, его окна смотрели на нас.

- Дурной или нет, но это лучше, чем ночевать в лесу, - прекратил споры Славонич. - Указывай дорогу.

ИХ КРОВЬ жидкая, замёрзшая, но всё-таки она манит меня: словно оранжевые пятна среди черноты деревьев: яркие линии румяной жизни на фоне тусклого свечения их факелов. Я чувствую запах их усилий, слышу их тяжёлое дыхание, когда оно вырезает в воздухе облака, ощущаю их истощение и их облегчение.

Хруст снега громом отзывается в моих ушах. Их гортанная болтовня усталая и приглушённая, и всё же ветер далеко разносит её. Я приближаюсь, не входя в свет их факелов, и смотрю на этих бродяг, что вторгаются во владения, что им не принадлежат. Каждый из них уродлив и прекрасен. Уродство в их смертности, их плоть слабая и измождённая, их кожа опалена солнцем, глаза затуманены морозом. Но они и прекрасны, каждый - замысловатый узор вен и артерий, по которым течёт жизнь. Я вижу пульс их бьющихся сердец, от груди до кончиков пальцев, трепещущий по всем кровеносным сосудам, пронизывающим каждую частичку их тела и поддерживающим в них жизнь в тисках зимы.

Я чувствую соблазн - зверь внутри призывает меня кормиться. Было так легко выбрать одного из них, утащить во тьму и, вскрыв горло, выпить густую ароматную жидкость, что наполняет его тощее тело. Я не буду. Я не голоден. Я - не животное. В этом нет смысла.

Они глупцы. Они блуждают по этим лесам, думая, что количество защищает их. Самый старый из них, их вождь, считает, что мудр, но столь же слеп, как и остальные. Их зловоние следует за ними, оставляя отчётливый след, биение их сердец подобно барабану, громяющему в лесу. Они думают, что нашли убежище, но всё, что они обнаружили - гробницу.

Пусть идут. Они - жертва.

БОЯРСКАЯ башня была такой же, какой описали её разведчики: восьмиугольная, высотой в пять этажей и увенчанная луковицеобразным куполом зелёного и красного цвета, краска на трухлявом дереве за десятилетия была подчищена ветром, но всё ещё была видимой. На север тянулось укрытое крышей крыло, один этаж высотой, черепица разбита, стропила провисли. Арочные окна были темны, не поднимался дым из дымоходов, что вились вдоль башни. Деревянные рамы лишились стёкол, окрашенные пороги сгнили и потрескались. Надворные строения демонстрировали такую же ветхость: их брёвна были плохо пригнаны, деревянные заклёпки отлетели, двери повисли на ржавых петлях.

- Теперь видите, что я имел в виду? - спросил Лушка. - Никаких мхов или ползучих растений, ни гнезда, ни норы. Это неестественно.

- У животных долгая память, - ответил Славонич, выезжая на широкую поляну, окружающую здание, во главе своего войска. - Они всё ещё избегают этого места.

- А растения? - не унимался Лушка. - Они тоже всё ещё боятся?

- Угомонись! - отрезал Славонич.

На свежем снегу не было следов, кроме оставленных разведчиками, да и те быстро заносились продолжающимся снегопадом. Славонич и половина отряда отправились к главной двери, огромному проёму, почти в два раза превышающему рост человека, к которому вёл ряд потрёпанных каменных ступеней. Латунные крюки, на которых устанавливались запоры, были всё ещё крепки, а дверь - тверда, как камень, что удерживал её. Остальная часть отряда разбрелась вокруг, обследуя двор, и криками сообщила, что это были конюшни, каретные и псарни.

Славонич огляделся и увидел просвет среди деревьев, что некогда был ведущей сюда дорогой. Всё было в снегу, так что не представлялось возможности сказать, висели ли ещё старые флаги или уже были проглочены чащей.

- Открыто, - сообщил Илья, толкнув дверь плечом. - Ни замка, ни запора.

- Пойдёмте, - приказал Славонич своим людям, жестами призывая их к башне. - Возьмите факелы и возблагодарите Дажа за то, что он избавил нас от метели.

Забрав с саней факелы, наёмники вошли внутрь. В коридоре за дверью на полу лежал полуистлевший ковёр, а на камнях стены висели столь же дряхлые гобелены. Под потолком повис канделябр, свечи на котором превратились в оплавленные огарки, что облепили извитое железо. Первой мыслью Славонича было, что с небольшим количеством песка и полировки, за эту штуковину можно было бы урвать пару золотых в Эренгарде или Кислевграде. Из зала вели ещё две двери. Славонич отправил несколько человек налево, а сам, взяв остальных, отправился в правую дверь.

За дверью обнаружилась обширная комната - зал приёмов с разбухшими креслами и диванами. Низкие столы, лак на которых потрескался и покрылся пятнами, стояли посередине. По стенам крепились канделябры, между которыми висели портреты суровых мужчин и скромных дам, одетых в старомодные наряды с высокими воротниками и сложными рюшами. Пол был выстлан перекрывающимися деревянными панелями, которые изрядно потрескались и потемнели и плохо прилегали в местах, где клей уже весь высох.

- Паутины нет, - заметил Лушка.

Славонич проигнорировал парня, пока в комнату притащили ещё больше света. Некоторые наёмники облегчённо рухнули на кресла и диваны, благодарные за отдых, но Славонич ещё был не готов обосноваться. Напротив была ещё одна дверь, окружённая пустыми полками, которые покрывал густой слой пыли.

Крик сзади привлёк его внимание.

- Лестница! - он узнал голос своего второго заместителя, Петра, его друга ещё с тех времён, когда они были детьми.

- Подождите меня! - крикнул он, открывая другую дверь.

Она вела в библиотеку, как он догадался, увидя лампы на столах и полки вдоль стен. Там был письменный стол, шкафчик для напитков - уныло пустой, как он быстро обнаружил - и небольшой камин. Камин был пуст.

- Варвары, - пробормотал Славонич. Даже если башня была оставлена десятки лет назад, те, кто жил в ней, должны были почтить Дажа, оставив еду и дрова для будущих гостей.

Здесь было нечего смотреть, так что, пока большинство его соратников устраивались на отдых (некоторые, развалившись прямо на ковре, покрывавшем пол комнаты), он вышел из зала и отправился к Петру.

Он нашёл друга на противоположном конце вестибюля в длинной прихожей. С одной стороны был большой камин, с другой - деревянная лестница. Пётр и несколько наёмников расселись на нижних ступенях, ожидая своего командира. Другие разгружали сани, раскладывая припасы вдоль стены между камином и ступенями лестницы.

- Самая большая спальня - моя, - ухмыльнулся Пётр, и притворно широко зевнул.

- Мне казалось, это я здесь капитан, - заметил Славонич. - Так что самая большая комната - моя.

- Там много свободного места, - ответил Пётр, тыча пальцем в почти незаметную небольшую дверь под лестницей. - Буфетная, кухня, комнаты для прислуги. Должно быть, здесь работали двадцать-тридцать мужчин и женщин. Я послал на кухню пару пацанов, чтобы они разожгли огонь. За ней - небольшой внутренний дворик, что тоже неплохо, и у нас скоро будет кипяток. Горячий чай каждому!

- Хорошая работа, - сказал Славонич, хлопнув Петра по плечу. - Ну что, идём?

- После тебя.

Толстый ковёр, покрывающий ступени, заглушал топот ног, а темнота выше излучала угрозу. Неожиданно наверху лестницы что-то сверкнуло в отблеске факелов. Славонич резко остановился и отступил на шаг. Ему показалось, что он увидел там фигуру.

Вытащив меч, он осторожно пошёл вперёд. Пётр с факелом пристроился рядом.

Фигурой оказался установленный на подставку пустой полноростовой доспех в старинном господарском стиле с высоким плюмажем из перьев, чешуйчатым поддоспешником и кожаным нагрудником с нашитыми кольцами. Изготовлено всё было мастерски, хотя многие ремни и застёжки и поистрепались. Несколько вмятин и царапин говорили о том, что он использовался не только в церемониальных целях.

- Мы заберём это, - сказал Славонич, проводя рукой по позолоченной отделке из бус, окантовывающей забрало шлема. - Оно заслуживает того, чтобы какой-нибудь господарский коротышка попытался доказать, что в его венах ещё течёт кровь Мишки.

Повернув направо, они оказались в коридоре, вдоль стен которого стояло несколько постаментов, на которых могли быть статуи, бюсты или, кто знает, вазы. Кругом царил порядок, не было ни единого признака грабежа. Как и ожидалось, они нашли несколько спален, небольших, удобно мебелированных, но без белья. В конце коридора вверх вёл ещё один лестничный пролёт.

На следующем этаже нашлось ещё больше спален, а на третьем были только две комнаты: огромный

бальный зал и не уступающая ему по размерам трапезная. Мебель осталась, но все мелкие предметы - подсвечники, тарелки и чашки, кубки и шторы - были убраны. Башня не была покинута в спешке, однако Славонич задумался, почему, в таком разе, оставили более тяжёлые столы, кровати, стулья, шкафы, скамейки, а также портреты внизу.

Последняя лестница представляла собой вьющуюся спираль из железных ступеней, вёдшую в единственный большой зал под самой крышей. Снежинки проникали через трещины в потолке, где тот деформировался за длинную череду смен зимы и лета, и ветер раскачивал повисшее на петлях распахнутое окно.

Однако Славонич не заметил ничего из этого, поражённый тем, что увидел в остальной части комнаты.

Вдоль стены выстроились восемь верстаков, каждый под своим узким окном. На них были всевозможные странные предметы: перегонные кубы и пробирки, гнутые изделия из стекла, пилы и ножи, клещи и зажимы, масляные горелки и тигли, талисманы и фетиши, блюда и чашки. В тусклом свете вожак наёмников мог заметить, что многие были окровавлены или покрыты каким-то маслянистым налётом.

Ещё восемь столов - похоронных дрог, укрытых покрывалами из сшитой кожи - расположились в центре комнаты, словно звезда. На каждом был труп в разной стадии вскрытия. На первом была содрана кожа, чтобы обнажить мускулы и связки. У следующего были срезаны кровеносные сосудов и нервы, ещё больше открывая кости и внутренние органы; другой был расчленён, и плоды этих трудов были аккуратно разложены каждый на своём месте, голова и конечности были аккуратно срезаны, Последний же был ничем иным, как скелетом, рядом со вскрытым черепом которого в серебряный шар был помещён, судя по всему, его мозг.

Пётр со свистом выдохнул, а другие наёмники встревожено забормотали. Славонич приказал им заткнуться. Пока остальные пятились к дверям, вожак взял факел у Петра и подошёл к столам. В дрожащем свете полулица, казалось, усмехались и бросали хитрые взгляды, глаза угрожающе блестели, и даже показалось, что конечности слегка вздрогнули. Проглотив ужас, Славонич всмотрелся в одно из наименее повреждённых тел.

Это был человек средних лет, его кожа потемнела от солнца. Руки огрубели от трудов, суставы разбухли и искривились. Его голова была выбрита (Славонич вспомнил, что пару мгновений назад заметил мешок, полный волос), а кожа с остального тела - содрана.

Не было видно никаких признаков травм или болезни, как и иных следов, которые мог бы оставить человек, ни на телах, ни вокруг них. Это была жуткая лаборатория, но ничего более зловещего в ней не было. Возможно, боярин просто оплачивал эти исследования.

- Доктор, - сказал он, наконец, подойдя к одному из верстаков и подняв амулет с символом медицинской гильдии Кислева. - Больше ничего.

- Плохой, - попытался пошутить Балдимир, - если судить по их здоровью.

- Почему они так выглядят? - спросил от порога Лушка, выглядывая из-за плеч взрослых бойцов.

- Для исследования, наверно, - ответил Славонич. - Чтобы понять, как всё устроено.

- Нет, я имею в виду: почему они не разложились? Даже труп, пролежавший всего пару дней, обладает следами гниения.

- Их сохранили, несомненно, - ответил Славонич, возвращаясь к трупам и громко принюхиваясь. Он не почувствовал ничего, ни гнили, ни запаха бальзамировочных растворов, но это не означало, что их никак не обрабатывали. - Почему ты выискиваешь во всём странности?

- Это место проклято, я знаю, - ответил Лушка.

- Ты можешь покинуть его в любое удобное для тебя время, паря, - заявил Пётр, ободрённый заявлением своего вожака. - Здесь достаточно кроватей, так что мы не будем беспокоить этих ребят.

Большинство наёмников развернулись и ушли, но Лушка продолжал упорствовать. Он внимательно осматривал каждый угол комнаты в поисках малейшего следа тёмной магии или нечестивого обряда.

- Не каждая старая башня - обитель колдуна, - заметил Славонич, подходя к двери. - Похоже, твоя мать рассказывала тебе в детстве слишком много разных сказок.

Лушка ничего не ответил, но его лицо побледнело, а глаза были широко распахнуты. Он последним покинул комнату и прикрыл за собой дверь. А затем, сняв нож с пояса, он всадил его между косяком и дверью, чтобы та не открылась. Бережёного бог бережёт.

КАК печально, наверное, прожить остаток своей жизни, не зная, что гибель уже близка. Эти смертные, спотыкаясь, бредут по своей жизни, тарабаня молитвы множеству ложных богов и отдавая себя на милость безжалостным созданиям. Они ничего не знают о жизни после - ничего, что ждёт их за порогом смерти.

Ими управляют их страхи и суеверия, но эти же грубые эмоции подпитывают их кошмары и дают жизнь той силе, что их пожрёт. Их гнев, их мелочность, их страх и жадность подпитывают существ, что сожрут их души, хотя они и не подозревают об этом. Возможно, оно и к лучшему. Если бы они знали об этом, то скорей всего сошли бы с ума.

Скрываясь на самой границе леса, я чувствую, как они расползаются по башне. Словно рак, растущий в лёгких или печени. Они стремятся узнать это место, выяснить, что их окружает, но они не видят этого.

А я вижу. Я вижу фигуры,двигающиеся между деревьями. Я чувствую запах льняных подкладок их овчинных накидок и слышу тяжёлое дыхание их собак. Скрежет кольчужных колец и похлопывание ножен столь же ясны для меня, как рог глашатая, объявляющего о прибытии короля.

И то, что внизу, зашевелилось. Оно притягивает, как подобное к подобному, как порча к порче. Я чувствую, как его пагуба просачивается сквозь лес - маяк тьмы, на зов которого должно ответить. Враги собираются и они всё ближе. Приз внизу не был предназначен для глаз смертных, как и не предназначался для последователей темнейших из божеств.

У меня мало времени. Если я опоздаю, то другие заберут то, что я ищу.

НЕСКОЛЬКО обескураженные тем, что им открылось на вершине башни, Славонич и его люди вернулись обратно на нижние уровни, решив отдать дань кроватям и застолбить за собою спальни. Славонич вытолкнул Петра из хозяйской опочивальни, как только огонь растопил лёд, и приказал принести свои вещи. Он лежал на кровати, закрыв глаза и наслаждаясь мягкостью матраца. Он позволил себе помечтать о том, что в его норе будет такая же кровать, когда он вернётся из Империи. Но не

успели снизу поднять его поклажу, как раздался ещё один крик, который мгновенно выдернул его из накатывающей дрёмы.

Ворча под нос, он поднялся с кровати, широко зевнул и отправился вниз. Там он обнаружил своих людей, столпившимися в холле у подножия лестницы и смотрящими во все глаза на камин.

- Что ещё? - спросил он. - Неужели человек не может хоть немного отдохнуть?

- Я разжигал огонь в очаге, - сказал Боян, когда наёмники расступились, пропуская Славонича. Ветеран стоял рядом с огромным камином, недоверчиво трясая головой. - Я опёрся на него, чтобы подняться, и этот кирпич сдвинулся.

Он встал чуть в стороне, открыв маленький дверной проём, что появился в стене рядом с камином. Там было ни зги не видно, но в свете факелов Боян смог разглядеть ведущие вниз гладкие каменные ступени.

- Наверное, винный погреб, - предположил Пётр.

- Тайный винный погреб? Этот боярин, похоже, не очень-то доверял своим слугам, - заметил Лушка.

Среди мужчин поднялся ропот и некоторые сделали отгоняющие злых духов жесты. Славонич услышал даже пару проклятий.

- Ну что ж, пойдёшь взгляни, - сказал капитан.

- Нет, без меня, - ответил Лушка. - Я уже говорил, что в этой башне есть что-то плохое. Этой ночью с меня хватит и лесного полога.

Растолкав толпу, юноша забрал свои вещи и оружие из общей кучи и направился к двери.

- Увидимся утром, - сказал он, уходя. - Если вы выживете.

Ещё пара бойцов, присоединилась к нему, что-то недовольно ворча, бросая испуганные взгляды за спину на подвальную дверь и касаясь пальцами талисманов, свисавших с их мехов и доспехов.

- Ну и пёс с ними, - прорычал Славонич. - Завтра мы найдём их замороженные трупы.

- Я взгляну одним глазком, - сказал Пётр. Он зажёл лампу и посмотрел на окружавших его воинов. - Флорьян, Димитрий, Илья, Драго, Лев... Ну что, пойдём-ка поищем захованное боярское золотишко. Если будет на то благословение Дажа, то возможно нам и вовсе не придётся тащиться в Империю, чтобы стать богачами!

Ещё более неохотно, чем другие, названные наёмники прихватили топоры и мечи и вслед за Петром нырнули под низкую притолоку тёмного проёма. Как только последний скрылся с глаз, по зданию пронёсся грохот захлопнувшейся входной двери - Лушка и те, кто присоединился к нему, покинули башню.

НЕСКОЛЬКО доверились своим грубым чувствам - зуду на шее и подёргивающимся пальцам - которые говорили, что с башней что-то не то. В других обстоятельствах они бы приняли верное решение, но не сегодня. Сегодня нет спасения - они просто сбегают от волка, чтобы упасть со скалы. На фоне холодного леса они были словно ярко полыхающие факелы, их горячее дыхание оставляло за ними следы, застывая в стылом воздухе. Факелы, что они несли в руках, в моих глазах были словно

зажжённые маяки.

И не только для моих. Я чувствую запах собак, несомый ветром, и вижу крадущие среди деревьев клыкастые тела. Северяне хорошо обучили своих псов. Они не визжат, не лают, не рычат, окружая ничего не подозревающую добычу. По крайней мере, три десятка гончих, каждая - огромный зверь, способный с лёгкостью разорвать человека. Не у всех есть мех. Я вижу тварей с рогами и чешуёй, затронутых магией Севера. У некоторых две головы, у других - огромные шипы, растущие прямо из тел. И у каждой клыки, словно кинжалы, и глаза - раскалённые угли.

Люди ничего не видят во тьме: не видят ни одной из чудовищных фигур, что скрываются в тенях, создаваемых светом их факелов. Их шаги громогласны, словно хлопки захлопывающихся крышек гробов, хотя для их ушей они мягко поскрипывают по снегу.

Псы терпеливо ждут, пока люди углубятся в лес, выискивая упавший ствол или изгибающийся корень, чтобы устроиться на ночлег. Усеянные шипами хвосты рассекают воздух - гончие Хаоса ждут приказа своего хозяина, прежде чем нанесут удар.

Я не вижу его, но чую - он близко. Он - яма из тьмы, что движется сквозь ветра магии подобно снежному дьяволу, создавая вокруг себя вихри силы. Это его слуга решил предъявить права на книгу, и глазами этого смертного он хочет увидеть, как я потеряю свой приз.

ЧЕРЕЗ полдюжины шагов лестничный пролёт увеличился вдвое, выведя Петра со товарищи на небольшую площадку, увлекая наёмников прямо под фундамент башни. Ещё десять шагов спустя Пётр остановился у арки и поднял фонарь. В каменную перемышку были глубоко врезаны буквы.

- Э, я не могу это прочесть, - слегка стыдливо произнёс Пётр. - Что тут написано?

Илью некоторое время учил его дядя, бывший торговцем, поэтому он прошёл вперёд и присоединился к Петру.

- В нём говорится: «Здесь лежит семья фон Карштайн». Больше ничего.

- Семейный склеп? - удивился Димитрий. - Зачем он здесь?

- Может опала? - предположил Драго. - Изгнали из града?

- Или же просто обычные бояре-разбойники, - вставил Флорьян. - Корчат из себя дворян, хотя их отцы были простыми бандитами.

- Будем надеяться, что они забрали с собой часть добычи, - ухмыльнулся Пётр, проходя под аркой.

- Я не стану расхитителем гробниц, - заявил Драго.

- Кончай, мужик! - грубо оборвал его Пётр. - Я видел, как ты выдираешь золотой зуб из челюсти норского вождя и отрубаете голову парнишке не старше двенадцати лет, чтобы забрать его ожерелье.

- Это другое, - ответил Драго. - Там были трофеи войны.

- И? - сказал Пётр, разворачиваясь, его грубоватое лицо подсвечивалось огнём фонаря. - Разве эта башня не принадлежит нам теперь по праву завоевания?

- Жрецы, они кладут чары на мёртвых, - сказал Драго. Он покачал головой, но когда Пётр пошёл дальше,

всё же последовал за ним.

Катакомбы привели к кольцу гробниц, следовавшему изгибам стены наверху. Мёртвые покоились в стоявших вертикально открытых гробах: круг скелетов, облачённых в трухлявый наряд, у их ног лежали мечи и щиты, а головы покрывали шлемы в господарском стиле. Пётр остановился около одного и присел на корточки. Он пошарил на дне серебряной шкатулки и что-то вытащил на свет. Это оказалось серебряное кольцо.

- Шибко большое для таких тощих пальцев, - хмыкнул он, убирая находку. - Обищите остальных.

Наёмники подчинились, хотя и без энтузиазма Петра. С первой дюжины гробниц они собрали небольшую кучку брошей, колец, обручей, браслетов и цепочек.

- Это только для нас, - заявил Пётр, подмигивая товарищам. - Если Славонич хотел больше трофеев, то мог бы и сам спуститься сюда, не так ли?

- Ага, - ответил Илья, позволив украшенной драгоценными камнями броши в форме бабочки скользнуть в свою сумку.

- Здесь ещё больше, - позвал Лью, махнув факелом в сторону ещё одного отверстия, достаточно высокого, чтобы можно было пройти не пригибаясь. - Здесь должно быть, гробов тридцать, если не больше. Похоже женщины и дети.

- Даж ярко светит нам, - радостно заявил Пётр, вглядываясь в боковую комнату.

- Воистину, - произнёс тихим голосом Илья. Они повернулись и увидели, что он стоит около арки чуть дальше по кольцу и смотрит внутрь расширенными глазами. Было что-то возбуждающее в том, как мерцал свет от дверного проёма, и они поспешили присоединиться к Илье, их разумы наполнились предвкушением.

В восьмиугольной комнате, образуя круг, лежали гробы. Высокие позолоченные подсвечники выстроились вдоль стен, а между ними были установлены столы, на которых стояли золотые кубки и серебряные чаши, отражавшие свет факелов.

В центре же расположилась каменная плита, высотой примерно по пояс, на поверхности которой были вырезаны сцены охоты. На плите лежало тело, облачённое в броню наподобие той, которую они обнаружили наверху. В костлявых руках был зажат двуручный меч, а щит с позолоченной волчьей головой стоял в ногах мертвеца.

- Стойте! - прорычал Драго, хватая Петра, когда тот собрался было войти в мавзолей. Наёмник указал на пол.

Вокруг плиты была нарисована восьмиконечная звезда, состоявшая из перекрывающихся квадратов. Каждый конец и точки пересечения отмечали символы, а в промежутках между ними стояли небольшие блюда, заполненные различными жидкостями, порошками и другими ингредиентами, определить которые не представлялось возможным. Одна стена была забрызгана кровью, и позади плиты через октагон шёл след испачканных в той же жидкости ног.

ТЕПЕРЬ я могу чувствовать их более ясно, всадников и воинов Севера. Они скоро будут здесь и...

Оно снова встрепенулось, послав импульс тёмной магии, реагируя на вторжение. Колдун? Нет, тот

почти выдохся, истощённый своим любопытством и алчностью. Нет, это кто-то новый. Кислевиты нашли катакомбы. Его разбудила их жизненная сущность, ненавистная сила, оказавшая на расстоянии вытянутой руки. Оно голодает так же, как я жажду, и в своём бодрствовании оно посылает дрожь через ветра магии: импульсы тьмы и отчаяния.

Трудно не испытывать симпатии к тем жалким дуракам, что даже сейчас запечатывают свою судьбу. Пойманные между силами, которые они едва ощущают и не в силах познать, они по-прежнему ничего не видят.

Сбежавшие из башни между тем нашли укрытия в тени скалистого утёса. Их огонь - маяк, и гончие замкнули круг. Северяне уже знают, что есть другие, и ускоряют своё приближение. В них гнев, и предвкушение. Странные предзнаменования и пророчества шаманов привели их в это место, и теперь они думают, что их приз украден.

Ситуация усложняется быстрее, чем мне бы того хотелось. Пришло время действовать. Этот приз не их, он принадлежит мне. Они потратили жизнь, чтобы найти это место. Я же истратил пять их жизней, чтобы захватить то, что лежит под башней.

СЛАВОНИЧ мгновенно вынырнул из сна, сердце бешено колотилось. Он не мог понять, что его разбудило, но подумал, что, возможно, то был крик.

Он оказался прав. Ещё один глухой протяжный крик принесло откуда-то издалека, снаружи башни. Отбросив одеяло, Славонич подхватил с тумбочки топор и бросился к окну. Снег на подоконнике лежал толстым слоем, а холодный ветер сквозил через лишённое стёкол окно. Его лицо закололо от холода, когда он высунулся из него.

Теперь появился вой: звериный вой, который не могли заглушить ни ветер, ни снег. Он не мог сказать, откуда он пришёл, но это не имело значения. Когда раздался стук в дверь, Славонич не стал оборачиваться.

- Я слышу! - крикнул он.

Дверь открылась и, развернувшись, он увидел Ивана с луком в руке.

- Что будем делать? - спросил наёмник.

- Делать? - рассмеялся Славонич. - Мы, дьявол меня побери, останемся здесь - вот, что мы будем делать. Эти глупцы решили уйти, что ж, это не я их заставлял. К тому же я ещё не видел волка, который бы напал на каменную башню.

В этот момент движение снаружи привлекло внимание Славонича. Едва заметное за стеной падающего снега мелькание у кромки леса. Он прищурился, пытаясь увидеть хоть что-то за падающими белыми хлопьями, но свет от башни едва достигал ближайших к башне деревьев.

Он резко распрямылся, ошарашенный громовым ударом в двери внизу, и с маху врезался макушкой в верхнюю часть оконной рамы. Зарывав от боли, Славонич скривился, но тут же вновь высунулся из окна, когда ещё один громовой удар сотряс двери. Перед ними стоял человек в доспехах, его голова была обнажена, ветер развевал длинные чёрные волосы. Черты незнакомца были острыми и инородными и словно бы излучали аристократичность.

Глаза, столь же тёмные, как ночь, встретились с глазами Славонича.

- Не могли бы вы предоставить убежище путнику этой ночью? - обратился к нему незнакомец. Его акцент был странным, напоминал говор северного Кислева, но человек явно был не оттуда. - Это было бы в ваших интересах.

Взглянув в эти тёмные глаза, Славонич понял, что незнакомец был благородным человеком. В голову капитана наёмников пришла мысль: Даж требовал, чтобы гостеприимство распространялось на всех нуждающихся в оном. В такую ночь, с волками в лесу, что смелели с каждым часом, оставить нуждающегося на холоде было бы преступлением.

- Итак, впустите ли вы меня? - спросил незнакомец.

- Конечно, - ответил Славонич. Голос незнакомца источал силу, что одновременно и успокаивала Славонича и придавала вес словам чужака. - Этой ночью ты станешь нашим гостем.

Он повернулся к Ивану и взмахом руки отослал его прочь.

- Ступай! Иди и впусти его, пока он совсем не замёрз. Я скоро спущусь.

Иван нерешительно кивнул и скрылся за дверью. Славонич поспешно напялил сапоги, чувствуя, как усталость от дальнего похода и поздний час навалились на кости. Он надел несколько бронзовых и железных колец на распухшие пальцы и провёл пятернёй по бороде в попытке придать ей хоть немного более приличный вид.

Славонич замер, недоумевая, с чего бы это он так расстарался. Его гость, безусловно, был благородным, но ведь и он был не из тех, кто лебезил и пресмыкался перед сильными мира сего в поисках их благоволения. Стоило ему задуматься об этом, как он тут же удивился, с чего это столь легко позволил впустить этого человека.

Смущённый, Славонич поспешил вниз по лестнице на первый этаж. Он обнаружил, что незнакомец стоит у дверного проёма между главным залом и прихожей, в окружении наёмников с обнажённым оружием. Меч дворянина по-прежнему оставался в ножнах: Славонич увидел богатую рукоятку, эфес и позолоченную гарду, в крестовину был вделан рубин.

- Ваши люди мертвы, - заявил незнакомец Славоничу, глядя мимо настороженных наёмников.

- Я слышал, - ответил тот. - Их забрали волки.

- Не волки. Псы. Псы северян. Гончие Хаоса.

Эти слова вызвали недовольное ворчание среди его бойцов, и Славоничу пришлось рыкнуть, чтобы они угомонились.

- Откуда тебе это известно?

- Вам нужно уходить, - даже не моргнув, продолжил тем временем незнакомец. - Гончие - это не единственные создания Тёмных Богов, что идут сюда. В лесу находятся воины и рыцари, которые ищут это место. Вам стоит уйти прежде, чем они доберутся сюда.

В словах человека был смысл. Он мог услышать искренность в его словах, мог увидеть честность в его взгляде. И всё же, оставалась частичка Славонича, которая была не столь доверчива: ворчливый голосок

где-то в глубине души.

- Лучше иметь место для защиты, - произнёс он и сам удивился, когда услышал свои слова. На лице дворянина появилось разочарование.

- Вы окажетесь здесь в ловушке, - сказал он, к каждому его слову поневоле хотелось прислушиваться. - Лучше уйти сейчас и отправиться на юг. Вы их не интересуете - они просто хотят войти в башню.

Славонич пережил достаточно битв против поборников Хаоса, чтобы понимать истинность слов дворянина. Он покинул север, как раз, чтобы избежать встреч с этими врагами - солдаты Империи были куда более предпочтительными противниками.

- Оставшись, вы ничего не получите, - продолжил незнакомец. Теперь он обратил взгляд на остальных людей. - Здесь вас ждёт лишь смерть.

Славонич собрался уже было последовать совету благородного, но слова приказа застряли в глотке. Упрямство, порождённое тяжёлой жизнью, бурно восставало против подобного решения.

- Они идут, - сказал незнакомец. Его голос был спокоен и рассудителен.

И в это время они услышали ещё один крик.

Он пришёл не извне, а был эхом, раздавшимся из открытого дверного проёма у камина: долгий крик чистого ужаса.

ИЛЬЯ, спотыкаясь, отступал через склеп, ноги шаркали по меткам вокруг центральной плиты. Труп за плитой - или то, что казалось трупом - ковылял за ним, одна когтистая рука протянулась к наёмнику. В другой он сжимал тяжёлую книгу, обёрнутую в бледный материал. Серебряные сгилы на гримуаре грызли разум Ильи: словно сама книга шептала в его голове. Видения смерти, черепов и ходячих трупов заполнили его мысли, и надо всем этим возвышалась могучая чёрная пирамида, вокруг которой извивались тёмные силы.

Тварь, что ползла к нему по полу, не должна была быть живой. Из драной робы выступали руки, тонкие, как у скелета, иссушенную плоть покрывали раны и струпья. Капюшон создания откинулся назад, и Илья увидел лицо создания, почти лишённое плоти, глазницы были пусты - лишь пара дьявольских огней, что горели будто бы в самом разуме наёмника. На лбу твари была вырезана руна, которая постоянно искажалась и искривлялась - метка Хаоса.

Он споткнулся о ноги Петра и упал, и из его глотки вырвался ещё один крик.

Пётр шагнул вперёд и нанёс косой удар, рубанув клином по груди существа. Тварь что-то булькнула и зашипела, а затем свободной рукой вцепилась в ботинок Петра. Клыкастая пасть распахнулась во всю ширь, открыв мелькающий раздвоенный язык.

Он опустил меч и отсёк вцепившуюся в него руку, клинок звонко ударил по плитам пола гробницы: звук громогласно отразился по всему склепу. Тварь даже не дёрнулась, только подняла голову, и пустые глазницы уставились прямо на него, тонкие губы скривились, обнажив чёрные дёсны.

Взревев, Пётр взял меч обеими руками и сверху вниз рубанул тварь по горлу: голова скосбочилась, всё ещё удерживаемая костью и сухожилиями. Ещё один удар окончательно отделил её от туловища.

- Забирайте чаши и блюда и вообще всё, что найдёте ценного, - прорычал могучий наёмник, наклоняясь и вырывая книгу из мёртвых лап твари, - пора возвращаться к остальным.

КРИК пришёл с верхних этажей, прокатился вниз по лестнице, а затем к нему добавились окрики из других помещений: каждый предупреждал о приближении закованных в броню воинов и всадников. Славонич почувствовал незнакомца у себя за плечом, когда подошёл к главной двери и выглянул наружу, чтобы оценить обстановку.

Ну, конечно же - это была банда хаоситов.

Подняв факелы, плюющиеся разноцветным пламенем, воины севера двигались через поляну. Они были облачены в пластинчатую броню, а с их плеч свисали плащи из шкур и чешуйчатой кожи. На их высоких щитах были вычеканены воплящие лики, обивающую их человеческую кожу испещряли грубые рисунки, выполненные кровью. Лица северян скрывали шлемы, у кого с одним, у кого с двумя или тремя рогами, у других же шлемы венчали гребни из крашенных волос. В руках воины держали топоры, палицы и змеящиеся мечи, лучившиеся магическими силами.

За пехотинцами следовали шестеро всадников, пятеро были одеты так же, но восседали на широкогрудых конях с пылающими глазами и металлической плотью. Их копья увешивали фетиши и трофеи - кости и черепа - гремевшие на зимнем ветру. Гончие рыскали по бокам от рыцарей Хаоса: огромные твари, намного превосходящие любую охотничью собаку.

Шестой же всадник отличался от остальных. Он был чемпионом - воином севера, возвышенным Тёмными Богами и получившим силу, превосходящую любую, дарованную обычным смертным. Внешне он ничем особо не выделялся, Т-образный тотемный шест крепился к его спине, венчал шест бронзовый диск, на котором было изображено с вожделием глядящее демоническое лицо. Его броня напоминала закопченное стекло, серовато-белого цвета, пластины постоянно изменяли свою форму, почти скрываясь за снежной пеленой. В одной латной перчатке чемпион держал топор с огненным лезвием, в другой - меч, который был сделан из того же материала, что и броня лидера северян.

На чемпионе не было шлема. Его плоть была тёмно-красной, растрескавшейся, и от неё отслаивались чешуйки, словно хлопья ржавчины. Ярко-жёлтые, как у кошки, глаза уставились на Славонича, пока тот смотрел на него, стоя в дверях и не в силах пошевелиться. Он почувствовал, что взгляд чемпиона замораживает его: сердце застыло и едва не остановилось.

Мгновение прошло, когда ему на плечо пустилась рука незнакомца.

- Не бойся, - сказал тот, и испуг Славонича испарился.

Капитан наёмников захлопнул дверь и развернулся к толпе своих людей, что ввалились в холл.

- Что ж, уходить уже поздно, - сказал Славонич. - Мы заперты здесь в ловушке.

Наёмники разразились горькими проклятиями. Неожиданно Славонич почувствовал, как на его предплечье сжалась чья-то рука и, обернувшись, увидел незнакомца, пристально смотрящего на него.

- Я могу вам помочь, - сказал тот. - Взамен я прошу только одну вещь.

Славонич оглядел мужчину с макушки до пяток, и, исходя из его стати и того, как тот держался, пришёл к выводу, что незнакомец, несомненно, будет весьма полезен в бою. Более того, дворянин просто

излучал уверенность, и Славонич почувствовал, что если он будет на их стороне, то они справятся с бандой хаоситов.

- И что же это? - спросил он, лёгкая вспышка подозрительности в миг развеяла его восхищение незнакомцем.

- Книга, - ответил тот. - Книга, которую ваши люди нашли в катакомбах. Себе можете оставить золото и драгоценности, мне же нужна только книга.

- Старая книга? - рассмеялся Славонич. - Конечно, почему бы и нет. Если вы сможете вытащить нас отсюда живыми, то получите свою книгу. Ясное дело.

- Благодарю, - сказал незнакомец. - А теперь точно следуйте моим указаниям.

ЭТО страстное желание движет ими, как мной движет голод. Ими движет их страх, и они страстно жаждут руководства. Опытнейший из них, по имени Славонич, уже поддался мне, а заставить остальных подчиниться моей воле будет ещё легче. Некоторые назвали бы это магией, другие - харизмой. Впрочем, это не то и не другое. Это просто обычный порядок вещей для человечества: идти, куда ведут.

Я ощущаю в них панику. Их сердца трепещут, когда они выглядывают из окна и видят пробирающиеся сквозь снег бронированные фигуры. Они не задумывались о защите башни и теперь смертельно не готовы. Там, где было бездействие, я даю им действие. Я приказываю закрыть главную дверь, притащить скамейки и столы и загородить нижние окна. Тех, у кого есть лук и стрелы, я посылаю на верхние этажи, хотя, учитывая непрекращающуюся метель, не ожидаю, что их улов будет богатым.

Остальных я разделил между главной башней и крылом для прислуги. Башня крепка, так что основная атака будет проходить через другой зал. Славонич быстро соглашается со мной и, взяв две трети своих людей, отправляется на защиту кухонь и других помещений, прилепившихся к башне.

Сверху раздался победный крик, прорезав шум, создаваемый суетящимися наёмниками: один из лучников нашёл свою цель. Это лишь слегка отвлечёт врагов. Люди, оставшиеся под моей командой, готовили оружие, поддерживали огонь и занимали позиции у двери и окон.

А затем приходит первый укус клинка из леса, ворвавшийся в окно библиотеки. Солдаты закричали. Я успокаиваю их бессмысленными словами о чести и мужестве. Словно собаки в жару, они лакают банальности, хотя я и могу заглянуть прямо в них и вижу, что их сердца по-прежнему трепещут, а спину заливают пот.

Один из них тычет копьём в щель между двумя скамейками, загородившими окно. Удар вознаграждается болезненным воем. Волшебная встряска, брошенная в новое движение пролитием крови. Когда он вытаскивает копьё, его наконечник блестит от свежей крови, она сверкает, полная жизненной силы, в каждой капле содержится ключ к существованию. Её аромат пьянит. Даже тонкого мазка на стальном лезвии хватает, чтобы у меня пересохло в горле, чтобы разбудить тварь внутри меня, что алчет этой эссенции.

Снаружи чемпион бросает вызов, выкрикивая слова, которые люди не в силах понять. Впрочем, я знаю язык: он обещает убить всех в башне. И пусть наёмники и не понимают языка, но в самом звуке они понимают намерения и чувствуют силу. Краткое мгновение их победы тускнеет и исчезает.

Я вижу нервные взгляды, облизывание пересохших губ, касание талисманов и жесты защиты. Слышу тихие молитвы к богам.

Те боги глухи. Сегодня другие боги, темнейшие из них, обратили свой слух к этому месту. Сегодня только они станут аудиторией разыгрывающегося спектакля.

ЗАЛ наполнял шум и грохот, и Илья удивлённо опустил ворох могильных украшений и находок. Его товарищи держали в руках оружие, окна были загорожены столами и скамейками, а снаружи раздавались воинственные крики.

- Какого? - одно единственное слово поднявшегося Петра выразило все чувства Ильи.

- Северяне, - последовал ответ Станислава. - Они нас окружили.

Могильный отряд тут же скинул свои трофеи и отправился к поклаже за своим оружием.

- А это ещё кто такой? - спросил Илья, кивая в сторону стоявшего у двери незнакомца, облачённого в богатые доспехи.

- А пёс его знает, - ответил Станислав. - Заявился прямо перед северянами. Славонич впустил его.

Илья молча проглотил эту информацию, всё ещё слегка ошарашенный. В гряде ящиков и мешков он отыскал свой меч и щит и вооружился. Из комнат слуг показался Новак, из пореза на его левой руке стекала кровь.

- Они прорвались, - тяжело дыша, сообщил он. - Славоничу нужно больше людей, чтобы их сдержать.

По башне прокатился глухой стук, заставивший всех умолкнуть. Воины повернулись к незнакомцу, который единственный сохранял невозмутимость среди сумятицы.

- Они срубили дерево для тарана, - медленно сказал он. - Мы не можем дать больше людей.

- Тогда они скоро будут здесь, - заявил Новак. - Нам их не сдержать.

- Сдерживайте их как можно дольше, - ответил дворянин. - И пришли ко мне Славонича.

Новак развернулся и скрылся в помещениях для слуг.

- Найдите что-нибудь, чем можно подпереть входную дверь, - приказал незнакомец. Он огляделся и указал на балясину лестницы. - Это подойдёт.

Бойцы с топорами тут же принялись за дело, обрушив своё оружие на крепкую древесину. Их удары заглушали стук в дверь. На пол посыпались щепы и осколки, пыль наполнила воздух, покрыв меха, волосы и бороды.

Из коридора, ведущего к входной двери, раздался зловеющий треск.

- Быстрее, - поторопил незнакомец, по-прежнему не выказывая ни малейшего признака испуга.

Славонич появился как раз, когда наёмники наконец отодрали остатки балясины. Он, словно в оцепенении, молча смотрел за тем, как его люди тащат свой «трофей» к входу. Резко тряхнув головой, он повернулся к дворянину.

- Вы помните наше соглашение? - спросил незнакомец, прежде чем Славонич успел вымолвить хоть слово.

- Я помню, - ответил вожак наёмников. - Но, боюсь, я не смогу выполнить свою часть сделки.

- Вам нет необходимости бояться, - сказал незнакомец. - Я могу помочь. Что бы не случилось дальше, помните - у нас общий враг. Мы союзники, да?

- Я полагаю - да, - ответил Славонич, недоумевая о намерениях их нежданного гостя.

- Отлично. Вы должны доверять мне.

ЭТО ужасное место, окружённое темнейшим колдовством. Когда я открываю свой разум ветрам магии, то чувствую ужасные воспоминания, вытравленные на самой структуре башни. Короли Норски некогда потрошили и обезглавливали своих врагов, посвящая их души богам Хаоса. Камень за камнем они возвели храм, прежде чем были изгнаны на север Зигмаром и его воинами.

Храм был разрушен, а камни разбросаны, но жизни людей коротки, в то время как воспоминания камней по-настоящему долгие. В эпоху Империи это место привлекало к себе множество людей, о его происхождении забыли, но о его местонахождении помнили легенды и сказания. Некоторые искали сокровища, заманенные сюда собственной алчностью. Большинство же выискивали это место с более зловещей целью. Как и я. Они потеряли свои жизни, пожранные силой, которую стремились покорить.

Боярин не отличался от остальных. Слабый человек, движимый страхом смерти, искал окончательное решение - секрет бессмертия. Он скрыл правду рассказами об охоте, но камни помнят. Кровь жертвоприношений, песнь некромантов, вихрь тёмной магии - век за веком их эхо вновь и вновь звучит в костях башни.

Боярин не смог достичь желаемого, не в полной мере. Он всё ещё здесь, спустя три сотни лет после собственной кончины. Его наследие продолжилось, его состояние продолжало расходоваться после его смерти, чтобы закончить то, что было начато при жизни. Мои мысли касаются духа боярина, заключённого в трухлявые кости в склепе под моими ногами. Тёмная магия удержала душу в трупе, но она бездействует, ожидая, когда энергия будет высвобождена вновь.

У меня есть эта сила. У меня нет всех знаний о Первом, Великом Некроманте, Властелине Нагашиззара, но я многому научился за своё долгое существование, а моё противоестественное состояние даёт мне множество преимуществ.

Тёмная магия принадлежит мне. Это часть меня, и то, чем она является, никогда не могло бы стать частью смертной формы. Её проклятия и искушения уже ничего не значат для меня - я уже бессмертен. Эта сила впиталась в меня с моим перерождением - способность видеть души усопших, проникнуть в иной мир, где они сливаются в вихрь и обретают покой, и, наконец, способность отыскать искорку жизни, что вернёт их обратно.

Большинство считают меня чудовищем, но я несу жизнь. Именно это понимание, это откровение заставляет смертных сходиться с ума, когда они, наконец, приходят к осознанию этого. Быть нежитью и всё же живым, находиться между двумя царствами, живого и мёртвого, находить баланс между масштабами забвения и существования. Ни один психически здоровый человеческий разум не обладает силой смотреть на оба этих мира и оставаться неповреждённым, но для меня

это естественная сфера - место, к которому я был вознесён столь много, много лет назад.

Боярин отвечает на моё присутствие, на магию, которую я направляю, когда мой разум просачивается в хрупкие кости и древние доспехи. Его душа мерцает, растёт, притягиваемая силой, которую я скармливаю ему. Его воля сильна, как и должно быть с тем, кто попытался обмануть смерть и преуспеть с тем, что осталось от его личности. Он был бойцом, военачальником, и именно эти воспоминания я направляю в него, внушая скелету боярина подобие цели.

Остальное зависит от духа человека. Его кости дрожали, трепеща от тёмной магии. Я чувствую подёргивание пальца и ощущаю возвращение подвижности, завитки магии заменяют давно сгнившие мышцы и сухожилия.

Один воин не сможет повернуть ход битвы в мою сторону. Волшебные линии, камни, высвобождающие их силу, крики мёртвых, принесённых в жертву этому месту, извивались и царапали барьер между жизнью и смертью. Я подталкиваю магию, позволяя течь ей через моё тело из камней, прежде чем она врывается в катакомбы, заземляясь в скелеты боярских слуг, словно молния в храмовый шпиль.

Нежизнь захлёстывает склеп, пустые скелеты мерцают неестественной энергией.

Я произношу тихую команду, и мёртвые встают, готовые исполнить мой приказ.

СТУК бронированных ног по ступенькам, раздавшийся за спиной, вызвал у Ильи испуг: на мгновение он решил, что снаружи был ещё один вход в склеп. Его испуг превратился в ужас при виде фигуры, что вышла из проёма возле камина.

Мёртвый лорд вернулся, чтобы закончить то, что не удалось мутировавшему колдуну!

Крик Ильи привлёк внимание всех остальных, одновременно развернувшихся и с широко раскрытыми от ужаса глазами уставившихся на марширующую в ногу из склепа колонну мёртвых.

- Хаос коснулся их, - прорычал Пётр, делая шаг к появившимся призракам.

- Останови своих людей, - понизив голос, сказал незнакомец, положив руку на плечо Славоничу. - Это не ваши враги. Они - хранители башни, вышедшие, чтобы поразить ваших врагов.

Славонич, прищурившись, посмотрел на незнакомца, но всё же поднял руку, останавливая Петра и остальных.

- Что за союзника ты нашёл? - прошипел Илья.

В ответ раздался треск входной двери, и вопли северян стали слышны более чётко. Из коридора, ведущего к входу, донеслись предупреждающие крики.

- Лучше на нашей стороне, чем на их, - скривившись, ответил Славонич, поспешно отходя с дороги умертвия и его окружения. - Пропустите их. По крайней мере, они уже умерли, так что пусть лучше сделают это ещё раз вместо нас.

Капитан вздрогнул, когда умертвие остановилось рядом с ним и красные глаза уставились на вождя наёмников, словно бы понимая слова Славоница. Облачённая в кольчужную перчатку рука подняла клинок с рунами, выгравированными на лезвии, по краям которого сверкала магия, приветствуя

незнакомца.

- Убей всех, - приказал тот, указывая на дверь.

Те немногие наёмники, что всё ещё стояли между нежитью и дверью, разбежались в сторону, когда запор, удерживающий дверь, треснул и раскололся. Доски двери затрещали под ударами молотов и секир, и, наконец, древняя древесина поддалась жестокой атаке слуг Хаоса.

Умертвие встретило первого из воинов, прорвавшегося в коридор. Клинок нежити сверкнул и срезал северянину верхушку шлема вместе с черепом. В жуткой тишине оживший мертвец поднял щит и атаковал следующего противника, скелеты в полном молчании следовали за своим предводителем.

Те воины, что стояли за дверями при виде нежити разразились испуганными криками и отступили, позволив безжизненной когорте вырваться на простор. Илья и несколько других воинов последовали за ними - мрачное любопытство увидеть, как мёртвые убивают живых, перевесило ужас. Незнакомец последовал за ними, его глаза светились тем же красноватым светом, что исходил из пустых глазниц его лишённых плоти воинов.

Наконец, Илья смог увидеть своих врагов - громоздких воинов в тяжёлых доспехах и меховых плащах. По сравнению с ними воины-скелеты казались карликами, их оружие с тяжёлыми клинками обладало мощностью рубить щиты, кости и плоть. Нескольких уже свалили, пока они ещё не оправились от шока, вызванного появлением оживших мертвецов. Оживший труп боярина раздавал удары налево и направо, с каждым ударом отрубая конечности и отсекая головы от тел.

Из-за угла башни показался ещё один отряд воинов, что-то ревуших на своём грубом наречии. Отказавшись от атаки башни, воины Хаоса отступили, сгруппировавшись вокруг своего чемпиона, рубя и молотом скелетов и их неумирающего предводителя. Клинки вгрызались в голые кости, раскалывали черепа, рубили конечности и грудные клетки. Илье подумалось, что спасение оказалось не таким уж и долгим, когда очень быстро полдюжины скелетов рухнули на землю безжизненной грудой костей.

Оторвав взгляд от жестокой сцены, наёмник посмотрел на незнакомца. Огонь в его глазах разгорелся ярче, бледная плоть сверкала изнутри, вены странно пульсировали под алебастровой кожей. Наполовину видимая аура окружала дворянина - тень, которая не имела ничего общего с факелами северян или светом, изливающимся изнутри башни.

Упавшие скелеты задёргались и закрутились. Сломанная кость сцепилась со сломанной костью, и неживые воины встали вновь, подняв зазубренное, ржавое оружие, вновь готовые к атаке. Трёх северяне тут же снова превратили в обломки костей, но не раньше, чем скелеты свалили ещё одного хаосита.

Где сражались восемь - северяне умирали; где чемпион Хаоса размахивал своим оружием - скелеты разлетались на куски и отбрасывались прочь. Человек за человеком сокращался отряд хаоситов, не в силах противопоставить хоть что-нибудь некромантии, что поддерживала своих немёртвых воинов и вновь и вновь поднимала их на бой.

Спустя некоторое время, наконец сошлись умертвие и чемпион, когда последний вновь отбросил прочь нескольких воинов-скелетов пылающим лезвием своего топора. Ледяной осколок Хаоса с ужасным звоном и вспышкой колдовства столкнулся с жутким клинком умертвия. Боярин отвёл незамедлительно последовавший удар топора своим щитом и бросился вперёд, кончик его зачарованного меча прорезал борозду на виске чемпиона.

Илья громко выдохнул, осознав, что задержал дыхание, когда столкнулись два противоестественных воина. Он резко втянул воздух, когда увидел, как клинок чемпиона пронзил нагрудную пластину мертвца и вышел из спины. Боярин споткнулся и махнул клинком по низу, кончик его смертоносного меча рассёк ногу хаосита. Пылающий топор разрубил череп мертвца и погрузился глубоко в ожившее тело.

Стоны и крики ужаса вырвались из глоток наблюдавших за боем наёмников, когда чемпион вырвался из схватки, разбрасывая в стороны черепа и конечности.

ЧЕМПИОН победил боярина, и мне не хватало воинов, чтобы остановить его, независимо от того, сколь часто я бы не возвращал их в бой. Я надеялся избежать этого, но мне всё-таки придётся принять личное участие в битве.

Я останавливаю поток тёмной магии, позволяя ей скопиться внутри меня. Он корчится и извивается внутри моего тела, но он мой раб, а не хозяин. Плоть моя мертва, как и плоть скелетов, простой сосуд, управляемый моей волей.

Волны магии, растекающиеся по конечностям, наполняют меня своей силой.

СТОЙЛО ему подумать, что он видел уже худшее из возможного, как Илья едва не лишился сознания, посмотрев на незнакомца. Мерцающая вокруг него аура теперь стала более заметной, струясь по венам, которые выделялись словно верёвки, опутывающие руки дворянина, и в ушах наёмников раздался слабый крик и плач.

Тени углублялись, становясь осязаемым видимым плащом силы, обволакивающей незнакомца. Мёртвые лики стонали и выли внутри этой ужасающей мантии, но худшее ещё было впереди.

Незнакомец преображался. Тёмные волосы стали почти белоснежными, а и так бледная плоть - едва ли не полупрозрачной, узор артерий и вен приобрёл облик неестественно извивающейся паутины. Два клыка, каждый с палец Ильи, выдвинулись из верхней челюсти незнакомца, их кончики сверкали в свете факелов. Даже броня дворянина искажалась и менялась: костеподобные шипы и выступы прорывались сквозь чёрный металл. Когтистая рука выхватила меч, его клинок сверкал, будто полная луна.

Едва-едва в силах уследить за ним взглядом, Илья наблюдал, как незнакомец, подняв меч, рванул вперёд. Холодно сверкающий клинок прошёл сквозь руку ближайшего хаосита, одним ударом отделив конечность от тела. Упал другой - грудь рассечена от рёбер до ключицы.

Плачущий, кромсающий всё призраком пронёсся через ряды северян, оставляя за собой только кровь и разбросанные по снегу конечности, устремившись к чемпиону. Лидер людей севера высоко взмахнул топором, целясь в горло незнакомца. Изменившийся дворянин перехватил топор, рукой схватив его за топорище, и легко выдернул из хватки чемпиона. Сверкающий лунным светом меч ударил трижды, с каждым разом погружаясь всё глубже в череп хаосита, в четвёртый раз клинок рассёк шею и впился в плечи в фонтане замерзающей крови.

КРОВЬ течёт вокруг меня, но я не могу кормиться ею. Она испорчена, загрязнена сущностью Тёмных Богов. Собрав последние силы, я вновь черпаю из ветров магии и опять поднимаю свою немногочисленную армию, чтобы помочь мне в противостоянии с приближающимися, жаждущими

отомстить за своего чемпиона, воинами Хаоса. Соблазны Губительных сил - ничто для меня, им нечего предложить бессмертному властелину, которым я являюсь.

Мечи, молоты и топоры врезаются в мои доспехи, ранят мою плоть, но их усилия пусты. Я не жив, поэтому меня нельзя убить. Закалённые тёмной магией доспехи отбрасывают удары, а моя плоть не чувствует боли.

Впрочем, раз за разом поднимать мертвецов и поддерживать их немёртвое состояние, достаточно утомительно. Каждый выброс тёмной магии, что исходит из меня, забирает с собой часть моей воли, пока, наконец, не останется только боль - боль от голода. Магия - это жалкая пища, мимолётная и изменчивая.

Когда умирает ещё дюжина воинов Хаоса, северяне отступают и наёмники всё-таки выходят из башни, чтобы помочь мне.

Нет смысла преследовать хаоситов: для меня нет смысла поддерживать своих невольных союзников дольше, чем это необходимо. Если северяне вернуться - это больше не моя проблема. Сила быстро убывает, и я позволяю магии рассеяться, останавливая дальнейший урон духу и телу.

Я вновь становлюсь бранным, и скелеты, более не поддерживаемые моей волей, осыпаются на снег горами костей. Истощённый, я вкладываю свой меч в ножны и оглядываюсь вокруг, ища человека по имени Славонич. Я выполнил свою часть сделки, теперь пришло его время выполнить свою.

НАЁМНИКИ отшатнулись прочь, когда незнакомец приблизился, его изящное лицо и броня были залиты кровью. Он вернулся к подобию своего предыдущего облика, хотя и выглядел более измождённым и мрачным, чем ранее. На месте остался только Славонич, хотя, глядя на меч, подрагивающий в руке капитана, все видели его нервозность.

- Что ты такое? - спросил вожак наёмников.

- Вы знаете ответ на этот вопрос.

- Вампир, - выпалил Илья, и мгновенно пожалел о своей несдержанности, когда в него впился взгляд тёмных глаз незнакомца.

- Так меня называют ваши люди, - вампир посмотрел на Славонича и указал на Петра. - У него есть то, что мне нужно.

Славонич бросил взгляд на своего заместителя, который пожал плечами и кивнул.

- Эта книга? - спросил он, вытаскивая фолиант из-под плаща. - Если этот малый хочет отказаться от всего золота и серебра, что мы нашли, она, должно быть, стоит баснословных денег.

- Она бесценна, - ответил незнакомец.

Борьба противоречивых эмоций отразилась на лице Славонича, пока он рассматривал альтернативы. Глаза незнакомца превратились в узкие щели и вновь показались клыки.

- Уважай своё слово, - сказал он. - Обмануть меня будет не самым лучшим решением.

- Отдай, - махнул Славонич Петру. Когда его приятель покачал головой, вожак наёмников вырвал книгу

из его рук и швырнул незнакомцу. - Забирай и уходи!

НАЁМНИКИ - ничто для меня, и я перестану о них думать сразу же, как только скрываюсь в метели. Впрочем, им стоит быть благодарным судьбе за воинов Хаоса, иначе этой ночью они бы все умерли от моей руки.

Хотя их выживание не важно. Они сыграли свою роль и теперь у меня есть то, за чем я пришёл.

Я чувствую, как она пульсирует в моих руках, содрогаясь в своей нежизни, наполненная силой своего создателя. Это последняя нужная мне вещь, главный приз в поисках, занявших века. Я изучу её содержание и узнаю секреты Великого Некроманта. С его силами мои планы, наконец, смогут осуществиться. Слабая людская Империя не в силах противостоять великому врагу с Севера. Их жадность и страх, в конце концов, обрекут этот мир, а с последующим проклятием придёт конец и моему роду.

Нам нужна кровь этих глупых смертных так же, как Тёмным Силам нужны их души. И я не позволю слабости людей обречь меня на погибель: я бессмертен и намерен жить вечно. Я стану их бессмертным властелином, их защитником от зла Хаоса. Под моей властью они будут защищены от порчи, спасены от порабощения и, пусть они никогда и не поблагодарят меня за это, я спасу их души от страшнейшей из судеб.

Любовно, я погладил обитый человеческой кожей том подмышкой. Теперь она моя - последняя часть шедевра, написанного величайшим владыкой нежити.

Девятая книга Нагаша.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Девятая_книга_/_The_Ninth_Book_\(рассказ\)&oldid=9372](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Девятая_книга_/_The_Ninth_Book_(рассказ)&oldid=9372)

Эта страница в последний раз была отредактирована 7 декабря 2019 в 11:39.